Окончание. Начало в №№ 5/2018, 1/2019 «Нового Енисейского литератора»

Связка «Есенин — отец» (или «отец — Есенин») вела меня по жизни много лет. Ведь благодаря отцу заинтересовалась я этой личностью, услышав разговор его с моей бабушкой. И случилось так, что последнее пожелание отца было...

А впрочем, попробую по порядку воспроизвести то прошедшее...

Итак, 1987 год... Весна.

Мы с Татьяной Игнатенко по распоряжению метролога нашего отдела прибыли в аэропорт Московский. Далее наш путь — Обнинск. Нам предстояло пройти учёбу в системе «ВИСМ». Ей — по радио, а мне — по электротехнике.

По приезде, в аэропорту, услышали громкое «вещание» о приобретении однодневных туристических путёвок. Уловила главное: «Круиз по есенинским местам, с пребыванием в Константинове».

Как я могла пропустить это? Одно только обеспокоило — сроки окончания занятий. Какая дата из предлагаемых может подойти мне?

Подсчитала — двадцать первое марта (мне подходит): успею и зачёты сдать, и к родителям съездить. Купила путёвку...

Уехали с Таней в Обнинск. Через несколько дней — Восьмое марта, по календарю совпало три дня отдыха. Учащиеся разъехались кто куда. Мы с Татьяной тоже расстались.

Отца в те дни выписали из госпиталя после лечения (открылась послевоенная рана на правой руке). Встретились... Вечер был тихий, душевный. Помыли его, переодели. И случайно (опять случайно) выдвинула ящик, где хранил он «регалии» свои. Подумалось: «Ах, если б надеть ему сейчас все заслуженные награды его!» Но как уговорить? И — мне впервые удалось уговорить, чтоб согласился он надеть их. (Я сказала: «Папа, хоть на минуточку».) Не показывал свои награды он даже в праздничные дни, такой был скромный. Носил только колодки орденские. Прикрепивши все регалии к пиджаку (и брат помогал), подвела его к зеркалу: «Смотри, папа, какой ты красивый с наградами своими! Ну почему же ты никогда их не носишь?» Отражение в зеркале

и сказал: «Света, неплохо бы побывать тебе на родине Есенина». Вообразите в этот миг моё состояние! Надо было бы обнять его и с радостью признаться, что путёвка в Константиново у меня уже в кармане! Но... я промолчала... Почему? Я чувствовала, что в те дни он дорожил каждой минутой моего пребывания с ним (хоть и наездами в перерывах между занятиями). И если я скажу, что две недели и плюс ещё два дня меня не будет, он расстроится. Еле сдержалась... Решила: порадую после, потом! Пообещала, что перед отъездом в Красноярск обязательно съезжу на Рязанщину. Он был доволен. Сели пить чай. Отец читал наизусть Есенина:

выдало его радость. Развернулся еле-еле (сил уже не было) ко мне

...Что где-то у меня живут отец и мать, Которым наплевать на все мои стихи, Которым дорог я, как поле и как плоть, Как дождик, что весной взрыхляет зеленя...

Я поняла в тот вечер, почему ему нравились эти строки.

Его родители в селе тоже, как Есенины, не понимали увлечения такого. И он тайком писал стихи и никому не показывал. А когда я (уже повзрослевшая, приезжая в Москву то с Олегом, то с Игорем) просила его: «Папа, покажи... дай почитать», — он улыбался и отговаривался: «Не стоит! Они несовершенны... ещё работать с ними надо». И рассказывал, как его в детстве заставляли вязать носки из шерсти козы... давали задание... сколько пар в день надо связать. И он вязал их.

А я задала себе снова вопрос: почему, бывая почти каждый год, когда дети были маленькими, в Москве, у меня ни разу не возникло этого (сегодняшнего) желания надеть ордена... показать их внукам? А именно... так... в этот день... в последний будто момент?

Утром попрощались... Сказала, что приеду через две недели, и вернулась в Обнинск. Мы с Татьяной продолжали постигать новые течения в метрологии. Занятия продолжались ещё дней десять. Но тут неожиданно объявили: помещение, где проводились занятия, подлежит ремонту на два дня. Какой-то «косметический», разъяснили нам, то есть быстрый. Учащиеся были все приезжие, из разных областей Союза. И, конечно, обрадовались. Появилась и у меня возможность побывать в Харькове. Наши старинные друзья (где прошло начало создания наших семей) уехали из Железногорска на строительство харьковского метро уже давненько. И всё время звали настимуем в гости на побывку.

Двое суток в запасе. Ура! И мы с Таней разъехались в разные стороны.

Быстро пролетели двадцать четыре часа нашей встречи с Ритой и Виталием. Уговаривали заночевать и побыть с ними ещё денёк.

И мне тоже очень хотелось продлить «очарованье» этой встречи... Но! Опять предчувствие? В общем, тревога какая-то была.

Неуспокоенность эта тянула в Москву. Я знала: отец ждёт... И у

меня в запасе были ещё одни сутки. С Виктором и Ритой уже стояли в очереди в кассу и всё ещё решали, купить ли мне билет на последний рейс, чтобы ещё часа два посидеть вместе. Решили: купим на двадцать три часа. Стоим, ждём. Но тут я отошла к

газетному киоску. Меня всегда в те дни тянуло ко всем информационным точкам. А тут Харьков! Может, ещё что-то высмотрю новенькое о Есенине? Пока вернулась в очередь — билетов на двадцать три часа не осталось. Только на двадцать ноль-ноль.

Ну что же, друзья, товарищи! До свидания! Приходится лететь раньше. Расцеловались, распрощались...

И вот снова Москва. Уже тороплюсь. Подъезжаю на такси... Поднимаюсь на второй этаж... В пролёте меж этажами пе-

редо мной — красная крышка гроба. Судорога прошла по телу. Сдерживая себя, шагнула к двери родителей. Звоню... Дверь

открывает брат... бросается навстречу... слёзы... рыдания... Я не могу сдвинуться с места... В проёме второй двери

вижу стол... и на нём гроб... понятно... гроб отца... Можно было бы выплеснуть многое в описании этого момента, но основное врезалось в память. Крики: «Как ты успела? Мы тебя потеряли! Посылали телеграмму в Железногорск. Об-

нинского адреса не знали, где учёба твоя... Красноярск не ответил... Как же ты догадалась? Как же ты успела?! Катафалк вотвот приедет за гробом. Отец завещал кремировать себя». Все эти возгласы слились в какой-то шквал истерик... Я не успела ещё осознать происходящее... а с улицы закричали: «Выносите, катафалк приехал!» Тишина! Сразу наступила тишина. Гроб закрыли... кое-как спустились вниз. Поехали.... Было тяжко на

душе. Ругала себя, что уехала в Харьков. И в то же время благодарю... А вот кого? Не знаю! За то, что вернулась вовремя? За то, что отошла к газетному киоску на минутку, и в то время кончились билеты на двадцать три ноль-ноль? А если бы уехала в двадцать три ноль-ноль, уже не застала бы дома отцовского гроба,

и уехали бы они без меня, по неизвестному адресу. А сейчас мы вместе едем в крематорий. Да! Я успела! Да, успела проститься! Да, я видела, я присутствовала, как под траурную мелодию гроб его, без цветов, без венков (все они остались на улице), уходил вниз куда-то, в темноту... Вот такое прощание состоялось.

И опять тот же вопрос, и опять без ответа, одолевал меня: что помогает мне очутиться опять в самый нужный, самый критический момент там, где надо? Кто скажет? Кто объяснит? С того света — никто мне не ответит.

И вот, казалось бы — всё... случилось своевременно, как надо... Проводили... Осталось получить завтра урну после кремации и захоронить её в могилу к матери. Это не так сложно, если есть место родственника на любом кладбище. Никто и не обеспокоился, что будут какие-то затруднения.

Однако неожиданные для меня проблемы нагрянули. Именно назавтра! Не дай Бог кому-то это испытать.

Выдать урну (с прахом отца) нам отказались! Потребовали

справку от любого кладбища о согласии на захоронение. «Если его мама похоронена на Ваганьковском, значит, там можно захоронить её сына?» — «Да мы не против! — отвечали.— Только принесите от них справку с номером места и участка, где захоронена ваша родственница!» Я доказывала, что могу показать с закрытыми глазами это место, только вот номера — не знаю! Высказала ещё много доводов. Но заведующая крематорием ласково так отвечала: «Я вам верю, я вам сочувствую, но без документа от Ваганьковского кладбища не имею права выдать вам урну». От возмущения, наверное, вспомнила, что однажды очутилась там даже ночью. Кто поверит, что была там ночью? На кладбище! И не просто была, а шагала между могил по снежным сугробам? Я и сама, вспоминая «минутки» те (нет, не минутки!.. мы пробыли там часа два... я, Наташа Федотова и оё папа), не могу представить, как бы я очутилась ночью у нас

её папа), не могу представить, как бы я очутилась ночью у нас на железногорском кладбище... Да со страху бы умерла!
Однако так было! Случилось. И вот почему! 1948 или 1949 год, Наташин папа только что вернулся из заключения. Наташа ещё до этого рассказывала, что арестовали его за то, что попал в плен после боя. Его обвинили в измене и на семь лет сослали в Красноярский край. Отсидел он этот срок чутьчуть не полностью. Заработал туберкулёз и вернулся совершенно больной. Разобрались только в конце этого срока и реабилитировали его, выдав документ о невиновности (нашлись доказательства в немецких каких-то бумагах, что подобрали его после боя раненым). И вот дядя Саша, только переступив порог дома, заявил, что хочет видеть могилу сына.

Дело в том, что родился он после единственного свидания, когда Наташиной маме разрешили съездить к мужу, в ссылку его. В положенный срок после этого у Наташи появился братик.

Так что отец не видел, как родился сын и как скончался. А случился трагический час, когда малыш этот (уже четырёхлетний), изучая кухню, выпил глоток из какой-то банки (приготовленной для стирки), по-моему, «каустик» назывался. Отравился и в эту же ночь умер. Вот такое было горе у них. Поэтому дядя

Саша и потребовал отвести его срочно на его могилу. Наташа прибежала ко мне (мы жили с ней в одном доме, напротив Светы Ильиной, только в разных подъездах), уговорила пойти с

ты ильинои, только в разных подъездах), уговорила поити с ними. А на дворе уже было темно. Не могла я не согласиться. Родителям не сказала, а братику всё же шепнула, куда иду... И вот втроём через железнодорожные шпалы и рельсы дошли до окраины кладбища. Забора в этом месте не было. Спокойно пе-

релезли через сугроб на территорию. Ночь хоть и зимняя, но в тот день мороза не было. Пушистый снег, обильно выпавший накануне, покрыл все могилы и сдерживал наше движение. Было тихо и

спокойно. Основные аллеи освещались ночами (тогда). Было светло и от фонарей, и от белизны снега, и от луны, ярко светившей с высоты в ту ночь. Пробирались еле-еле, не торопясь... И вдруг услышали окрик: «Стойте! Какого чёрта вы тут ночью делаете?» Перед нами стоял дядька с фонарём в руке (наверное, сторож).

Мы с подружкой остолбенели... А дядя Саша ответил: «Иду к сыну, в первый раз...» Они сошлись... Долго о чём-то

как пройти). А сторож объяснял дяде Саше: «Бывают случаи у нас — разграбление свежих захоронений. Голод людей заставляет. Кто-то выживает, продавая гробовые одежды».

разговаривали. Мы ждали, оставшись на месте. Потом дядька этот с фонарём проводил нас до могилы (Наташа показывала,

Да, так было в 1946—1949 годах. Не брезговали ничем, что-

бы выжить.
Вот такая история вспомнилась в разгар наших пререканий. А маманя моя не очень вникала в споры наши. Одно твердила:

«Успеем... Она же, урна, под охраной здесь...» И уговаривала: «Раз не отдают урну, а тебе ехать надо, давай подождём до лета. В отпуск приедешь — тогда... и захороним её. А сейчас, перед отъездом, отведём девять дней, как положено...» — «Мама! Как положено не выйдет! Пока не предадим его земле — это не "положено", совсем не "положено". А тем более ждать до лета! Я дам телеграмму на работу, чтоб разрешили задержаться. Я не могу так уехать и не успокоюсь, пока не доведём захоронение до конца. Ну посмотри ещё раз, перерой документы отца. Он же историк — не может быть,

чтобы он не сохранил квитанцию, которую получил после похорон бабы Глафиры. Там же указаны и номер участка, и номер

могилы. Мне кажется, такая была, он держал её в руках».— «Ну что ты! Да сколько лет прошло... Зачем бы он хранил её? Искала уж... Да там и не разобраться, в его листах и бумагах...»

Одним словом, начались мои мытарства бесконечные. И что

самое невероятное, в конторе Ваганьковского кладбища, где существовала картотека всех погребений, две женщины, обслуживающие эту канцелярию изумились: «Вы что? Думаете, это возможно — в этой куче найти номер вашей могилы?! Уж если вы сами не соизволите знать, то мы при чём? Увольте! Это нам не под силу». Кто-то в очереди у окошка, через которое мы разговаривали, шепнул: «На лапу дать надо. Сразу всё найдут!» Я не знала, как давать «на лапу» (то было другое время), и не могла поверить в это. Отошла от окошка... совершенно опустошённая и, конечно, в слезах.

А в крематории сочувствовали: «Мы всё понимаем, но дайте нам согласие от любого кладбища, и мы быстро выдадим прах вашего родственника...»

Не знаю, в наказание ли мне или для испытания какого-то, но я неделю ежедневно с утра и до вечера совершала вояжи по московским инстанциям в поисках подтверждения, что Глафира Дементьевна Матюгина жила в Москве последние годы, лечилась и умерла в Боткинской больнице, была прописана на Хорошёвском шоссе... и... Стоп! Кто докажет, что она была там прописана? ЖЭК! А где этот ЖЭК? Если домов тех уже нет, то и ЖЭК переехал неизвестно куда. Начала искать следы этого ЖЭКа...

Спасало, конечно, такси. Я хоть и считалась москвичкой, но совершенно не умела ориентироваться во всех адресах. Знала Малую Бронную, Патриаршие пруды, Арбат. Но это было где-то сразу после возвращения из эвакуации. А после один маршрут знала — Хорошевское шоссе, Серебряный бор. С таксистом повезло. Оказался весёлый и разговорчивый паренёк. Договорились, что будет возить нас постоянно, пока не добьёмся разрешения для захоронения. А когда услышал, что я из Красноярска (зауважал как будто), сообщил тут же, что служил там в армии, где-то под Ужуром. Про кладбище, конечно, говорили, а когда дошли до Есенина... воспроизвёл наизусть:

Стыдно мне, что я в Бога не верил, Горько мне, что не верю теперь...

А мне это было как бальзам на душу. Разговорились! В конце концов все адреса были объезжены. Впереди оставался только один день... Терпенье окончательно лопнуло, хоть караул кричи! «Едем к директору!» — сказала водителю. Явилась пред

очи его... Кабинет находился рядом с картотекой, где неделю назад отказались искать номер нашего участка. Постучалась... Вошла. Навстречу поднялся из-за стола мужчина. Я не успела разглядеть его и сразу на повышенных тонах выкрикнула на-

болевшее (было уже не до сантиментов) с требованием срочно разобраться, ибо завтра я возвращаюсь в Железногорск! Он, не прерывая, выслушал, несмотря на мою взъерошен-

ность... «Успокойтесь! — сказал.— Присядьте!» Впервые кто-то из

администрации за эту неделю мне предложил присесть. Спросил далее: «Железногорск? Это где?» — «Красноярский край», буркнула я. Мне показалось, его взгляд потеплел. «Разберёмся, выслушал всё. — Пойдёмте». Открыл дверь и, минуя окошко, через которое разговаривали посетители, провёл меня в ту самую картотеку, и те!.. да! те же две женщины вскочили при виде начальства. Он что-то сказал им тихо... И я буквально через семь или десять минут услышала и номер участка, и номер могилы моей бабули. Тут же выписана была (точнее, отпечатана) бумага для кремато-

рия на право захоронения любого нашего родственника. И эти номера — «26» и «5939» — вовек теперь, наверное, не забуду! Вот такой итог получился от моего недельного «паломничества»! И это Москва! И это столица! Какое человеческое

внимание! Какое сочувствие! А в моём распоряжении оставалось три или четыре часа до шести вечера, чтобы успеть отвезти разрешение в крематорий,

получить урну с прахом отца; вернуться на кладбище, найти людей до восемнадцати часов, ибо позже ворота закрываются.

Спасибо пареньку-водителю, который любил сибиряков (почему-то) и Есенина тоже. Ждал нас за воротами. Быстро домчал нас и туда, и обратно.

Снег на могилках лежал ещё не тронутый (от тепла первых мартовских солнечных лучей). Директора уже не было... Но, вероятно, он успел дать указания, потому что мы быстро разыскали двоих рабочих, имеющих право на такие захоронения.

Сумерки сгущались... Мы вчетвером — я, мама и двое мужчин — прошагали к «нашей» могиле. Раскопали эти рабочие снег и мёрзлую землю. В раскопанное углубление поместили урну папину, и я сказала вслух такие слова, какие слышала на есенинской могиле: «Принимай, бабуля, к себе сына своего».

Помолчали, прикрыли веночком (цветы уже купить негде было), расплатились с рабочими и поплелись вдвоём с матерью к воротам. «Если что, обращайтесь ещё к нам!» — прокричали вслед нам эти двое. «Видимо, мы не обидели их, хорошо заплатили!» — проговорила мамочка. А водитель наш ждал за воротами. Молча сели. Казалось, всё! Всё, что положено мне было сделать, — я исполнила... Всё завершилось... Что завтра? А завтра вот что: девять дней! Неужели?! Какое совпадение! Завтра отцу девять дней, и завтра двадцать первое марта, то есть то число, на какое купила я туристическую путёвку! Ту путёвку, ту поездку, которую не раз советовал отец мне совершить...

Зашла домой. Пусто... тихо... Мать произнесла: «Какое дело провернула! Как ты это смогла?» Что можно на это ответить? «Завтра без меня будете девять дней отводить».— «Как завтра? Почему без тебя?» Объяснила... Поплакали мы с братом, выпили за упокой души отца. Мать ушла отдыхать. А мы с братиком посидели ещё, вспоминая детство. Но мамуля наша недолго отсутствовала. Вернулась, говорит: «Вот, нашла записку».— «Какую?» — «Про свекровку мою, номер записан».— «Какой номер?» — « Ну, могилы...» — «О Боже!» Дальше я слушать не могла, ушла на кухню от греха подальше. Брат возмутился: «Ну, мама, ты в своём репертуаре!» А я всё же прокричала из коридора: «На черта думать о бессмысленных похождениях моих? Собственное спокойствие дороже!»

Ну да Бог с ней! У меня впервые за эту неделю наступило облегчение.

Я еду завтра на Рязанщину не просто так, а получается по завещанию отца! Чем объяснить такое совпадение? Как случилось, что двадцать первое число я вычислила? Предугадала? Предчувствовала? Опять вопрос: не мистика ли это?

И вот я — в Константиново, на родине поэта. Вероятно, многим известно это трепетное, тревожное чувство, какое охватывает, когда входишь в дом, идёшь по выскобленным половицам, по каким далёкие хаживал в годы кумир ваш, тот необыкновенный крестьянский парень, которому рукоплескали



Дом С. Есенина в Константиново

во многих ситуациях, и не только в России. И которого полюбил мой отец, а вслед за ним и я. И вспоминаются связанные с этим местом слова Есенина: Я любил этот дом деревянный,

В брёвнах теплилась грозная мощь,

Наша печь как-то дико и странно Завывала в дождливую ночь. Или:

А сейчас, как глаза закрою,

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда.

А ещё:

Вижу только родительский дом.

Появляясь в своём селе (а последние годы всё чаще), он продолжал писать о своём доме:

> Изба крестьянская. Хомутный запах дёгтя,

Божница старая, Лампады кроткий свет. Как хорошо,

Что я сберёг те Все ощущенья детских лет.

Первый дом Есениных сгорел, и мать ему писала, что семья потерпела «большие убытки». Сын с грустью тут же отразил в своих стихах:

> И там, где был Когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой

> Дорожной пыли.

Однако земляки рязанские восстановили былое этого дома. И здесь продолжали жить его сёстры: Екатерина и Александра. В 1915 году, второго октября (рассказывал нам экскурсовод), было открытие музея Есенина... С утра в тот день в Константиново ехали люди разных национальностей со всех концов Союза, чтобы в простой избе открыть этот музей лю-

юность и здесь написал он свои первые стихи. Я вместе с другими, приехавшими в этот день сюда, вхожу в горницу, вижу керосиновую лампу, портрет перед ней...

бимого поэта. Потому что здесь отшумело его детство, прошла

Но внук на это не обратил внимания, зато отметил: На стенке календарный Ленин. Здесь жизнь сестёр, Сестёр, а не моя...

Оглядываюсь... Ищу иконы... Восстановили их или нет? По по-

«...Такая гадость! Просто удавись! Вчера иконы выбросили с полки...»

воду которых возмущался дед Есенина:

И, наблюдая за ними, как они повзрослели, с улыбкой продолжал:

Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал», О Марксе, Энгельсе... Ни при какой погоде

> Я этих книг, конечно, не читал. И мне смешно,

И вот сестра разводит,

Как шустрая девчонка Меня во всём за шиворот берёт... У меня в сей момент возникает ассоциация, связанная с

тётей Шурой. Это ведь она была той есенинской сестрёнкойкомсомолкой и рассмешила своего старшего братца. Дальше повели нас к амбару — так назвали нам помещение или уголок, где хранились какие-то овощи. Туда, оказыва-

ется, уединялся Есенин, когда приезжал, будучи уже извест-

ным, писать свои наброски для будущих стихов. О том, как встречался с земляками, кои не узнавали его. Он был знаменит и по-городскому одет. А он их помнил молодыми:

Но вот проходит Баба, не взглянув. Какой-то ток Невыразимой дрожи Я чувствую во всю спину. Ужель она? Ужели не узнала? Ну и пускай, Пускай себе пройдёт... И без меня ей

Горечи немало... Услышали мы от экскурсовода и о знакомстве с Фёдором Шаляпиным. Об их распевах над рекой Окой. Соревновались,

уместно вспомнить здесь снова Мариенгофа, который утверждал, что Есенин «страшно» завидовал шаляпинской славе, мечтал о такой же. Мариенгоф, очевидно, осуждал друга... Но за что? Почему? Да, Есенин знал себе цену!.. Но иногда занижал свою планку: Я о своём таланте

Но всё равно мечтал прославиться. И потому постоянно совершенствовал свой талант. Учился постоянно как у маститых, известных поэтов, так и у сотоварищей по перу. А к славе относился по-разному в разные годы. Менял своё мнение в зависимости от взросления, от понимания меняющихся событий

Стихи — не очень трудные дела.

кто кого перепоёт на расстоянии, издалека друг от друга. Кстати,

На кой мне чёрт, Что я поэт!..

Известным и богатым И будет памятник Стоять в Рязани мне.

В девятнадцать лет, когда понял, что такое слава, вырвалось из души будто бы разочарованье:

И без меня в достатке дряни.

Пускай я сдохну, Только...

Нет, Не ставьте памятник в Рязани.

IA THE CHARGE HAMATHAK BY ASAIN

Много знаю.

в его жизни. В девять лет он думал: Текли мечтанья В тайной тишине, Что буду я

И уже в двадцать девять лет, отдавая дань признательности любимому поэту — Пушкину, закончил стихи словами:

Но, обречённый на гоненье, Ещё я долго буду петь... Чтоб и моё степное пенье

Сумело бронзой прозвенеть!

Далее, как бы вскользь, поведали нам в том же доме о разных периодах увлечения его женщинами, какие постоянно

боготворили его, сменяя одна другую. Но, наверное, не только за стихи, а скорее потому, что по натуре Сергей был с ними ласков и нежен. (Он искал тепла, искал всю жизнь.)

О многих связях его я уже знала, а вот об Августе Миклашевской — далеко не всё... Во всяком случае, о том, что её, уже постаревшую, сестра Есенина Александра приглашала в Константиново по поводу выхода из печати новых книг Сергея. Смотрю на её портрет: молодая, красивая актриса Камерного театра.

С ней Есенин познакомился после Америки, уйдя от Айседоры Дункан. В 1923 году была уже помолвка их... Но дальше отношения не сложились. Она была одинока. Жила с сыном. Отношения продолжались, но были «платоническими». Есенин был ув-

лечён ею... очень! Посвятил ей семь или девять стихотворений: Пускай ты выпита другим... Или:

Затем:

Ты прохладой меня не мучай...

Но мне больше всего понравилось, где он писал ей:

Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган, Как умеет он быть покорным...

А ведь до неё писал совсем иное:

Дорогая, сядем рядом Поглядим в глаза друг другу...

Много женщин меня любило, Да и сам я любил не одну, Не от этого ль тёмная сила Приучила меня к вину...

*

По-смешному я сердцем влип, Я по-глупому мысли занял. Твой иконный и строгий лик По часовням висел в рязанях.

Вспоминает Миклашевская:

«Однажды было так: я вышла позвонить по телефону... Есенин вышел со мной. В будке он обнял меня за плечи... Я ничего не сказала. Я только повела плечами, освобождаясь от его рук...

Иногда вечерами, поздно, обычно к ночи, приходил ко мне человек... Мы садились у стола, пили чай, жаловались друг другу... Я стелила ему на диване, сама уходила спать к ребёнку... Утром мы завтракали и разбегались по своим жизням...

Он приходил редко... В сущности, несколько раз... Вскоре его не стало...»

Миклашевская спасала его в момент апатии, выслушивая, когда он приходил к ней по вечерам. Позже, когда уже его не стало и когда сама прожила долгую жизнь, она опубликовала свои воспоминания, где с раскаянием отметила: «Оказалось, что

А далее что ещё было в музее? Упомянули его юношескую любовь к Анне Сардановской. Мне это было приятно слышать, потому что помнила наизусть, как хороши были его стихи, по-

ничего важнее тех случайных встреч не было в моей жизни».

свящённые ей: Зацелую допьяна, изомну, как цвет.

Хмельному от радости пересуда нет!

И это в пятнадцать лет? Кто-то, возможно, скажет: не может пятнадцатилетний мальчик так думать! А почему бы и нет? Вопервых, он уже с детства был гений, научившийся свободно читать и писать в пять лет. А во-вторых, деревенские ребятишки наблюдают все житейские отношения сызмальства, общаясь и с овцами, и с лошадьми, и с другой живностью. Вот и здесь, в музее, напомнили о многих строчках, посвящённых Есениным животным. Он понимал их боли, их радость и их тоску. Например, о корове:

> Дряхлая, выпали зубы, Свиток годов на рогах.

Или о лисице:

На раздробленной ноге приковыляла, У норы свернулася в кольцо. Тонкой прошвой кровь отмежевала На снегу дремучее лицо.

А про собаку и щенков её:

До вечера она их ласкала, Причёсывая языком.

Потому и писал он в конце жизни, как бы подытоживая уходящее и не забывая живущих:

Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве И зверьё, как братьев наших меньших,

Никогда не бил по голове.

И ещё мы услышали и о последней законной жене поэта. Это была Софья Толстая — внучка знаменитого деда, Льва Толстого. Я раньше тоже об этом читала, что брак был недолгий.

Через месяц сбежал от неё Есенин. И не скрывал, что не любит её. Он вообще всегда писал о себе только правду и не церемонился с тем, что обижает этим любящих его. О Софье писал так:

> Не гляди на меня с упрёком, Я презренья к тебе не таю, Но люблю я твой взор с поволокой И лукавую кротость твою.

Да, она действительно была некрасивая, но кроткая. Терпела все его всплески настроений, любила его. И после смерти сберегала его бумаги, стихи, документы. И ни разу нигде не сказала о нём худого слова.

И вот наконец вернулась я в Железногорск. На работе, в отделе нашем, уже знали, что схоронила я отца. Подробности, конечно, вспоминать не хотелось. Слишком тягостно ворошить всё прошедшее. Поделилась только с одним человечком, которому доверяла...

А годы шли... И судьба подготовила мне ещё очень-очень много горестных минут, мгновений, часов и ночей... И случилось так, что могила под номером 5939, под фамилией Матюгиных, запол-

нилась новыми урнами — и брата, и матери, потом ещё какими-то родственниками, каких я раньше не знала... И все урны поместились в одном единственном бугорке на Ваганьковском кладбище. А дальше было ещё тяжелее. Потеряла самых близких и

дорогих — сыновей своих... И это было не сравнимо ни с чем, что было пережито ранее...
Перестали приходить думы о Есенине. Словно было это в

какой-то иной жизни, несовместимое с тем, что происходило теперь и сейчас.

Пережить это и продолжать жить теперь было очень

Пережить это и продолжать жить теперь было очень сложно. И мы всё же жили с мужем тихо и спокойно, сберегая память о детях.

Но однажды (опять однажды!), случайно (заметьте: опять случайно!), включив в очередной раз канал «Культура»,— представьте, что я увидела! А увидела я на экране тётю Шуру — Александру Есенину!

Она же умерла!! Я даже видела её могилу! Впилась глазами в экран, поняла, что это какая-то «древняя» запись... (Всё бросила, чем занималась — рисовала, или шила, не помню.) Слышу далее: «Спасибо, Светлана Петровна, за предоставленные снимки, за то, что согласились прийти к нам...» Как Светлана? Как Петровна? Так это, значит, Света Ильина? И эта бабушка — это она? Ну точь-в-точь тётя Шура, но только постаревшая.

Я тотчас позвонила Ирине (соседке по кварталу). Мы с ней иногда о стихах Есенина обменивались впечатлениями. Прокричала в трубку: «Телек включи! Мою одноклассницу увидишь!» — «Какую? Та, что племянница Есенина?» — «Да, да!» Она тут же переключила на нужный канал и, не бросая трубку, удивлённо произнесла: «Это одноклассница? Да? А я... я...» — и

удивлённо произнесла: «Это одноклассница? Да? А я... я...» — и замолчала. Досмотрели передачу до конца, каждая у себя. Ирина, видимо, постеснялась сказать или спросить: почему одноклассница — и вдруг такая старая? Позже я со смехом объяснила, что мы обе уже постарели... И от этого никуда не денешься!

А мне в тот час хотелось поведать всему миру, что я увиде-

ла всё-таки Свету. Утром снова написала письмо ей... И снова ждала. И опять не получила ответа... «Ну конечно! — уговаривала я себя,— она теперь звезда! Её по телевизору показывают...» Может быть, не права я. И у неё тоже, вероятно, были горестные дни и потери... Успокоилась... Ждать перестала. И неожиданно для себя пристрастилась к телевизионным передачам. Потому и высмотрела, что собираются создать фильм с участием в главной роли Сергея Безрукова. А мне сразу вспомнился Сергей Никоненко, сыгравший Есенина в фильме, который страна смотрела где-то в шестидесятых годах. До чего ж похож был молодой Никоненко на Сергея! Молодой, кудрявый! И казался голубоглазым (хотя фильм был чёрно-белый).

Жаль, что не повторяют тот фильм. Конечно, тогда Есенина приукрасили и сняли с показа. Наверное, потому, что в те годы нельзя было показывать молодёжи есенинские разгулы, разочарования, бесконечные влюблённости.

А теперь хорошо бы соединить эти два характера: нежность Никоненко и ярость Безрукова... Хотя в роли Пушкина и Высоцкого он мне понравился, бесспорно... А вот в роли Есенина почему-то не принимала его. Вновь начала перечитывать опубликованные письма Есенина... Посетив Америку, он ещё больше полюбил свою «нищую» Родину. Потому и написал:

...Разрыдаться может и корова, Глядя на этот бедный уголок.

Конечно, «цивилизация» Америки его потрясла, но писал друзьям, помнится, так: «Здесь нам делать нечего. Полное бездушие, только доллар имеет значение...» — и так далее. Вернувшись в Россию, ушёл в работу. Было много планов. Но дружки и пьяницы, используя его слабости, не отставали. Он пытался скрыться от них. Говорил: «Мешают работать, приходят, отвлекают...» Уехал в Грузию, где написал целый цикл «Персидские мотивы».

А я в который раз вернулась к теме «Футуризм и имажинизм». Хотелось разобраться, почему я не полюбила эту пору, когда Есенин был чуть ли не застрельщиком этого течения. Поэты соперничали друг с другом: Есенин — за имажинизм, Маяковский — за футуризм. Но так и осталась я равнодушна к тем его стихам... Может, не доросла я до понимания их?

А друзья и соратники после смерти Есенина обвиняли его в

печати за пьянство, за дебоширство, за то, что сокрушал всё, что попадало под руку в тот момент. Но всё равно стихи звенели в мозгу его постоянно. Хотя сам утверждал: «Пьяным никогда не пишу!»

Однако вот пример. Явившись к артисту Качалову в со-

однако вот пример. лвившись к артисту качалову в совершенном подпитии, расчувствовавшись при виде великолепного пса, наутро создал такой шедевр:

Дай, Джим, на счастье лапу мне...

И далее:

Пожалуйста, голубчик, не лижись, Пойми со мной хоть самое простое, Ведь ты не знаешь, что такое жизнь... Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Мариенгоф предполагал, что в продолжении этих строк Есенин имел в виду Зинаиду Райх:

И без меня, в её уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку

ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чём был и не был виноват...
Опять Зинаида, опять неуёмная, не проходящая память о ней...

Есенинские стихи я могу читать бесконечно, но чтобы понять его, надо ещё и сопоставлять с датами, когда они были написаны: детские — одно; потом стихи, написанные под влиянием церковных воспитателей, когда он был связан с ними; затем... затем... затем... много «затем». Когда столкнулся с революционным течением, появились иные мотивы:

…В сплошном дыму, В развороченном бурей быте С того и мучаюсь, что не пойму — Куда несёт нас рок событий…

А поэма его «Пугачёв»? Какую знают те, кто, побывав в театре на Таганке, видел, как классно сыграл Владимир Высоцкий роль Хлопуши в спектакле, поставленном режиссёром Любимовым... И зрители, конечно, помнят его «навзрыд» идущие со сцены слова:

Проведите, проведите меня к нему, Я хочу видеть этого человека...

Высоцкого помнят в этой роли все... А вот то, что написал эту поэму Есенин, вряд ли помнят многие... А ведь поэму эту Есенин писал в те самые моменты, когда обвиняли его (и, может быть, не напрасно, наверное) в пьянстве, скандалах, неуравновешенности. Да! И Есенин сам говорил:

Пускай бываю иногда я пьян, Зато в глазах моих Прозрений дивный свет.

«Как могло совмещаться в нём всё это вместе?» — задают вопрос все любящие его поэзию... Поэму эту он закончил в апреле 1921 года. А спектакль «Пугачёв» идёт многие годы... и до сих пор воспринимается зрителями с не меньшим интересом.

Но что же дальше было в жизни моей? А то, что недолго я радовалась, что увидела по телевизору Светлану... Где-то вечером... позвонила Ирина Елфимова, та, с которой поделилась о телевизионной передаче с участием Светланы. «Алло!» В трубке... сначала молчание... затем услышала: «Знакомая ваша скончалась».— «Какая знакомая?» Я, видимо, заторможенная стала... не поняла, о чём речь идёт. «Да племянница Есенина!» Это был удар! Очередной удар! Неужели? Неужели Светы уже нет?..

Вот так вот, благодаря Ирине, узнала я, что ушла Светочка из жизни...

А Ирина, просмотрев до конца передачу, переключилась на Интернет и сообщила мне, что Светлана уже не Митрофанова, а Есенина. То есть вернула себе (после всех ушедших в мир иной родных) родовую фамилию... И после смерти Татьяны (дочери Есенина) заменила её в должности руководителя Московского Есенинского музея. Стала хранительницей достояния своего дяди — поэта Есенина. Это всё, сообщила мне Ирина, почерпнула она в Интернете. Похоронили Светлану, конечно же, где-то рядышком со всеми Есениными.

Только — увы! — мне уже не удастся побывать там и поклониться могилам их. Скончалась Света, сообщили в Интернете, шестого сентября 2010 года.

Выходит, письма мои потому и не доходили до неё. А сейчас, когда вспоминаю всё это... Идёт 2018 год.

Вот такая история... Вот такое окончание моей связи с этой фамилией...

И вот что интересно: не поделилась бы я однажды с Ириной (случайно, под настроение), что мы со Светой одноклассницы... тогда не сообщила бы мне она потом о неожиданной передаче

тогда не сообщила бы мне она потом о неожиданной передаче о Есенине и не узнала бы я, что Света уже ушла в мир иной. Но сообщила она это только сейчас, а тогда, когда вели мы разговор тот, я и не думала, что соберусь или захочу писать те воспоминания о детских годах, проведённых рядом с семьёй Есениных...

Но как-то снова позвонила мне Ира и сказала, что какаято девочка, влюблённая в стихи Есенина (которой она рассказала, что в Москве я жила в том дворике, рядом с мамой Есенина), попросила её: «Можно ли нам с ней встретиться?» Ей хотелось, этой девочке, узнать что-то новое о Есенине. «Хотелось бы ей послушать, как вы узнали семью Есенина!»

Что я ответила? «Ну что ты, Ирина! Что могу я рассказать о нём? Ведь я была совсем девчонкой. Я его не знала, не видела, только лишь в сундуке со Светкой копались, фотографии пересматривали; ничего нового эта знакомая твоя не услышит!» В общем, отказалась от встречи.
Я и в мыслях тогда не держала, что начну писать эту книгу,

касающуюся тех детских лет. Просто вспомнила наш дворик и всё, что было связано с ним. А может быть, как раз и был дан мне толчок — вспомнить, разобрать накопившиеся вырезки газет, разобрать всё, что сберегалось у меня в папке о Есенине до времени?.. А до какого?..

Я не собиралась и не думала, что когда-то займусь таким

творчеством, тем более — писать книгу. Но почему-то собирала и копила самые маленькие кусочки из газет, из журналов, всё, что касалось Есенина. Почему? Не знаю! А может, это отцовские гены? Это он, как историк, собирал крупицы исторических сведений. Выходит, всё не случайно... Всё — предопределено!

Звоню Наташе Сидоровой. Она одна поддержала меня в желании воспроизвести на бумаге все воспоминания, накопленные в записях. Если б не она, вряд ли хватило бы у меня терпения продолжать склеивать все кусочки, сохранённые до сего дня, и переписывать много-много раз!!!

И вот я подхожу к концу повествования. Прежде чем закончить, задаю себе вопрос: что ещё я не досказала для себя? Что очаровало? Или, наоборот, что озадачило в личности Есенина?

А вот что: Есенин был увлечён личностыю Ленина... Он приветствовал революцию. А дочь Татьяна вспоминала (это было седьмого ноября 1918 года): «Я наблюдала за ним... Совершенно бледный, глубоко потрясённый... он впивался глазами в

Ленина...» И, по словам поэта Орешина, Есенин принял Октябрь с неописуемым восторгом. Потому и Прокушев предположил: «Может быть, поэтому мешал кому-то Есенин, воспевая вождя революции?» А он, Есенин, действительно несколько раз писал о Ленине и как-то выразился, что в долгу остаётся перед ним...

А мне больше всего из тех его революционных высказываний очень понравилось такое русское, такое восторженное изречение:

Свершилась участь роковая, И над страной под вопли «матов» Взметнулась надпись огневая: «Совет рабочих депутатов».

Ну кто ещё так откровенно, «по-мужицки», мог высказать правду, кроме Есенина? Именно так моряки и солдаты (под крики «мата») осаждали дворцовые ворота! Есенин приветствовал революцию... Он верил в Ленина. А Луначарский в одной из статей, излагая свой взгляд на творчество Есенина, писал: « Все мы, его современники, виноваты более или менее — это был драгоценный человек!»

Вот и подошла к концу моя повесть об очередной встрече (а если точнее сказать — о самой первой моей встрече в жизни), какую подарила мне судьба.

И мне хочется закончить повествование это моё стихами Есенина:

Но и всё ж, теснимый и гонимый, Я, смотря с улыбкой на зарю, На земле, мне близкой и любимой, Эту жизнь за всё благодарю...